

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. Г. РАБИНОВИЧ

ДОМ И УСАДЬБА В ДРЕВНЕЙ МОСКВЕ

(По материалам раскопок 1946—1950 гг.)

История славянского и русского жилища еще мало освещена в нашей научной литературе. Планировка древних городов и иных поселений в целом, планировка жилого квартала и даже отдельных усадеб и жилищ — мельчайших ячеек древнерусского поселения — изучены далеко не достаточно. Это происходит, во-первых, потому, что внимание исследователей русских древностей привлекали до недавнего времени преимущественно аристократические кварталы городов, дающие наибольшее количество вещевых находок, а письменные и графические источники также содержат сведения в основном о жилищах высших слоев населения, хотя и эти сведения чрезвычайно бедны. Во-вторых, древнерусское жилище строилось по большей части из дерева, которое обычно не сохраняется. Жилища и целые кварталы исчезали бесследно, и восстановить их контуры можно только по остаткам печей, подпольным ямам и вещевым находкам.

Между тем вопрос о жилище и поселении является одним из узловых вопросов истории русской культуры. С ним тесно связаны важнейшие проблемы истории народа, начиная от его происхождения и общего характера хозяйства и кончая проблемами духовной культуры (народное искусство, верования и т. п.). Следует особо отметить, что для разрешения всех этих проблем наибольший интерес представляет именно жилище средних и беднейших слоев населения — крестьян, посадских людей, так как дворцы знати — князей, бояр, богатых купцов — далеко не всегда отражали национальный характер жилища. Однако и жилища, (а в особенности — усадьбы) представителей высших классов содержат зачастую важнейший материал для выявления экономики феодального общества.

Важность изучения древнерусского жилища хорошо сознавали многие ученые, но отсутствие полноценных археологических материалов заставляло их класть в основу своих работ письменные источники сведения которых, как мы уже говорили, отрывочны и часто недостоверны (в особенности записки иностранных путешественников). Поэтому ранние периоды истории жилища восстанавливались нередко весьма произвольно¹, и только для поздних сравнительно периодов (XVI—XVII вв.) И. Е. Забелину удалось, на основании главным образом

¹ Ср. хотя бы работу М. П. Погодина, «О жилищах древнейших русских», М., 1825

письменных и графических источников, дать содержательный очерк древнерусского зодчества, подчеркнув очень убедительно его самобытность².

Для истории древнерусского жилища исследователи чрезвычайно охотно и широко привлекали материалы этнографические, справедливо полагая, что бытовавшее еще в XIX и даже в XX в. крестьянское жилище в разных областях России сохранило в своей планировке и архитектуре ряд важных черт с глубокой древности и что жилище средних и беднейших слоев городского населения должно было, особенно в древности, когда городское население еще не порвало связей с сельским хозяйством, быть в основных своих чертах схожим с деревенским.

В начале XX в. археологам удалось добыть важные сведения о древнерусских жилищах³, а после Великой Октябрьской социалистической революции, когда раскопки древнерусских городов стали производиться в невиданных до тех пор масштабах, археологические материалы о жилище увеличились во много раз. Исследования П. Н. Третьякова, П. П. Ефименко, Н. Е. Макаренко и других открыли раннеславянские жилища, а В. А. Городцов, А. Ф. Дубынин, А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Н. П. Милонов, И. И. Репников и другие раскопали и описали целый ряд городских построек феодальной эпохи в Киеве, Новгороде, Суздале, Старой Рязани и других городах. Сочетая материалы раскопок с письменными и этнографическими данными, Н. Н. Воронин смог уже довольно полно обрисовать древнерусские поселения и жилища⁴. Однако, в послевоенные годы археологами вновь добыт обильный материал как по древним, так и по более поздним жилищам. Тщательные исследования в Киеве⁵ и в Старой Рязани⁶ позволили почти во всех деталях восстановить тип жилища, господствовавший на юге и юго-востоке Руси в домонгольский период (X—XIII вв.).

Особенную важность представляют раскопки на севере Руси, в Старой Ладоге и в Новгороде, где открыты целые кварталы⁷. Благодаря хорошей сохранности дерева, в культурном слое Новгорода вскрыто множество построек XII и XV вв., а в Старой Ладоге найдены сравнительно хорошо сохранившиеся нижние части построек даже VII—VIII вв.

При наших раскопках в Москве в 1946—1950 гг. также вскрыт ряд жилищ. Особый интерес представляют жилища, открытые в Зарядье, так как сохранность дерева здесь не хуже, чем в Новгороде и Старой Ладоге, и многие постройки сохранились на значительную высоту (до 10 венцов). Благодаря большой сравнительно площади раскопок удалось составить представление не только о домах, но и обо всем комплексе, составлявшем усадьбу в целом, на что ранее обращалось мало внимания.

Район Зарядья (южная часть Китай-города), являющийся в топографическом отношении непосредственным продолжением кремлевского Подола, был, как выяснилось в результате раскопок, заселен уже с древнейших периодов существования Москвы-города. Нижний горизонт культурного слоя отложился здесь уже по крайней мере в XI в. В ту пору это была окраина города, его торговый и ремесленный посад, вы-

² И. Е. Забелин, Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве, М., 1909, его же, Домашний быт русского народа, т. I, Домашний быт русских парей; т. II, Домашний быт русских царей, разные издания.

³ В. В. Хвойка, Древние обитатели среднего Приднепровья, Киев, 1913.

⁴ См. История культуры древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 182—233.

⁵ М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950.

⁶ А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани, «Советская этнография», 1948, № 4.

⁷ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, «Советская археология», вып. XI, Л., 1949; А. В. Арциховский, Раскопки в Новгороде «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXXIII, М., 1950.

тянувшийся узкой полосой вдоль берега Москвы-реки. Позднее этот район стал центральным и получил название Большого, или Великого, посада, а его главная улица, очевидно, соединявшая Кремль с пристанью, называлась также Большой, или Великой, улицей. Эта улица являлась организующей магистралью района в течение ряда столетий и сохранила свою роль до недавнего времени. При раскопках вскрылось несколько слоев ее деревянных мостовых. По обеим сторонам улицы, очевидно, уже с самого начала существования поселка, стоял ряд домов. С течением времени эти дома разрушались и на их месте строились новые, но нижние части старых домов оставались зачастую на месте и сохранились в земле до наших дней. Благодаря этому удалось проследить остатки строений, начиная с XII—XIII вв. до XVII в. Строения эти принадлежали, как мы увидим ниже, различным социальным группам населения (в древнейший период — ремесленникам, потом купцам и даже знатнейшим боярам). Поэтому особенно интересно выявить разницу как в характере самого жилища, так и в планировке двора (когда это позволяет установить материал раскопок), и в отношении дома к улице у этих разнородных прослоек городского населения древней Руси.

Публикация новых материалов о застройке и планировке района Зарядья тем более нужна, что до последних лет мы не имели сколько-нибудь достоверных сведений о жилище, усадьбе и квартале в Москве до XVII в. Работы по истории жилища в Москве обычно отправлялись от планов Москвы XVI—XVII вв. и составленных в конце XVII в.⁸ чертежей приказа тайных дел, ограничиваясь, как правило, для более ранних периодов лишь общими положениями о характере русского жилища⁹. Между тем ведущая роль Москвы в образовании русского государства уже в XIV—XV вв. не могла не быть обеспечена передовой экономикой, что безусловно должно было отразиться как на облике города в целом, так и на застройке отдельных кварталов, в особенности же районов, непосредственно прилегающих к центру, каким и был Великий посад.

«Историк,— писал М. Н. Тихомиров еще в 1947 г.,— наталкивается на почти непреодолимые трудности, когда по обрывочным заметкам древних летописей и актов ему приходится восстанавливать черты древнего города, обычно основательно стертые прошедшими столетиями. Это в особенности можно сказать о топографии древней Москвы XIV—XV веков»¹⁰. Добытые археологическими раскопками материалы не только уточняют сведения о постройках и усадьбах XVII в., о которых в силу специфичности древних планов мы далеко не всегда имели достаточно полное представление, но и позволяют проникнуть на несколько веков вглубь, воссоздавая картину московского дома, а иногда и усадьбы, начиная с XII—XIII вв., на что историки Москвы уже переставали надеяться.

Если ряд вещевых находок и массовый керамический материал указывают на возникновение поселения в районе Зарядья по крайней мере в XI в., то древнейшие из открытых раскопками строений относятся только к XII—XIII вв. На следы первых строений московского посада нам еще не посчастливилось напасть. Эти постройки сохранились хуже других, так как здания, очевидно, погибли при пожаре.

В районе Великой улицы, к северо-западу от одной из древнейших

⁸ Например, П. Гольденберг и Б. Гольденберг, Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв., М., 1936.

⁹ С. П. Бартенев, Московский Кремль в старину и теперь, тт. I и II, М., 1912—1916.

¹⁰ М. Н. Тихомиров, Древняя Москва, М., 1947, стр. 147.

на посаде церквей — Николы Мокрого на 14—15 м севернее направления Великой улицы, непосредственно на материке, удалось проследить юго-западный угол сруба из дубовых бревен толщиной 16—20 см (рис. 1. Этот и последующие планы даны в восстановленном виде). Бревна настолько сильно обгорели, что невозможно точно установить характер крепления угла, но, по всей вероятности, сруб был рублен «в обло» (так, что концы бревен выступали наружу). Ориентировка

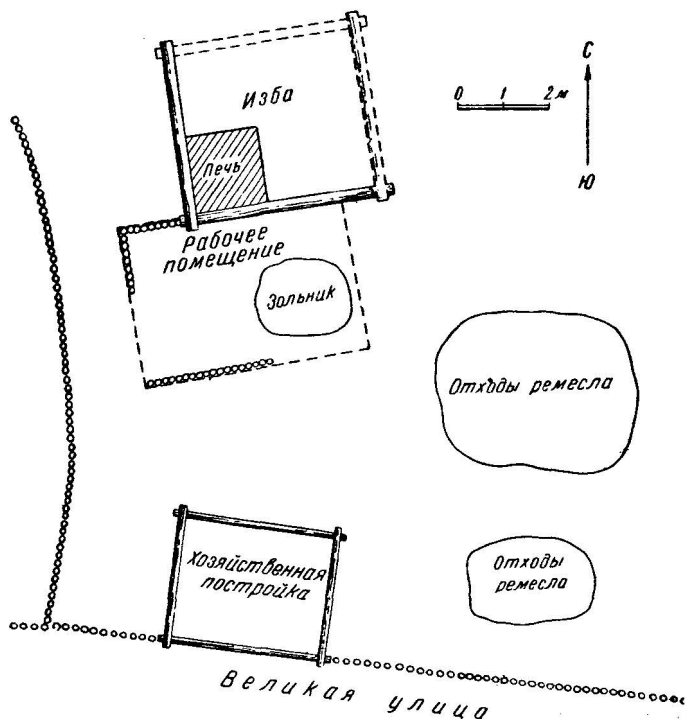

Рис. 1. Усадьба кожевника XII в.

западной стены постройки — точно с севера на юг, южной стены — с запада на восток, с небольшим отклонением к северу. С внутренней стороны сруба к углу вплотную примыкал развал печи — масса пережженной глины, занимавшая площадь $1,80 \times 1,70$ м. В этом глиняном пятне уцелели основания двух столбов, составлявших, очевидно, опору конструкции печи, как это прослежено и в других древнерусских городах (например, в Старой Рязани) и как делалось в русских деревнях еще в XIX в.¹¹

В 4—5 м к югу от южной стены постройки открыта длинная узкая канавка, очевидно — след врытого в землю частокола. Между этой канавкой и углом дома находилась яма овальной формы, площадью примерно $4,5 \text{ м}^2$ ($3 \times 1,5$) и глубиной 60—70 см. По соседству с ямой встречены обрезки кожаных изделий, главным образом части обуви, (части подошв, головки, задники, голенища, поднаряд и множество обрезков кожи) и скопления шерсти, а в самой яме — значительное количество коры (по всей вероятности дубовой).

По найденным в яме и в срубе остаткам посуды, среди которой преобладают грубые, сероватого цвета горшки, а также горшки так

¹¹ «Благоразумные хозяева, — писал В. В. Селиванов, — делают опечек на особых столбах, врытых в землю независимо от стен избы и переводин пола, затем чтобы давление всей груды печи не повредило избе» [В. В. Селиванов, Год русского земледельца (1856—57), Календарь Рязанской губ. на 1887 г., стр. 69].

называемого курганного типа и встречается домонгольская поливная керамика, комплекс может быть отнесен к XII или началу XIII в.—к периоду до разорения Москвы татарами (1237).

Перед нами, очевидно, остатки кожевного и сапожного производств, еще не отделившихся друг от друга. Здесь отделяли от кожи шерсть, дубили кожу, кроили и шили из нее обувь. Подобный комплекс — изба кожевника-сапожника XII в.— был открыт А. В. Арциховским в Новгороде на Славне¹². Повидимому, в то время на Руси

Рис. 2. Остатки сруба постройки XIII в.

выделкой кожи и пошивкой обуви занимались одни и те же мастера, и лишь позднее разделение труда пошло дальше.

Остатки усадьбы московского кожевника XII—XIII вв., к сожалению, не дают нам возможности восстановить полностью ее облик. Однако можно с определенностью установить, что перед нами не врытая в землю землянка, а бревенчатая, рубленая «в обло» изба наземного типа с печью в юго-западном углу. С юга к избе, очевидно, примыкали какие-то производственные сооружения, до нас не дошедшие. Возможно, что это было холодное помещение, типа крытого двора, стены которого были устроены из вертикально вбитых в землю жердей, но, может быть, следы частокола относятся к ограде открытого двора. Размеры избы, расположение внутренних помещений, характер пола, кровли и окон установлены быть не могут.

Другая постройка относится к XIII в. Она расположена к югу от Великой улицы, на расстоянии 10—12 м, непосредственно против церкви Николы Мокрого. Как и первая, она была ориентирована почти точно по странам света. В пределы раскопа попала только восточная стена постройки длиной 3,65 м, шедшая в направлении с севера на юг. Здание было построено из толстых (25—30 см в диаметре) еловых бревен, рубленных «в обло». Сохранившиеся два нижних венца (рис. 2) были врыты в материковый песок, а ясно прослеживающаяся в профиле яма от верхних венцов прорезает только самый нижний (домонгольский) горизонт культурного слоя. Это обстоятельство позволяет нам датиро-

¹² А. В. Арциховский, Раскопки на Славне в Новгороде, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 11, М., 1949, стр. 126.

вать сруб концом XIII в. В открытой части сруба не встречено почти никаких находок, если не считать деревянной бочки у юго-восточного его угла. Сруб не вскрыт полностью и не связан определенно ни с одним из открытых в раскопе комплексов. Трудно поэтому говорить о характере постройки в целом и тем более о характере всей усадьбы. Отсутствие находок, определенно говорящих о жилом бытовом комплексе, не позволяет предположить здесь углубленного в землю жилища типа землянки или полуземлянки. Против такого предположения говорят и мощность бревенчатых стен постройки. По всей вероятности, перед нами подклет здания, врытый в землю на глубину 1,0—1,10 м. Такая конструкция дома, как мы увидим ниже, была распространена в Москве, так же как и описанная выше.

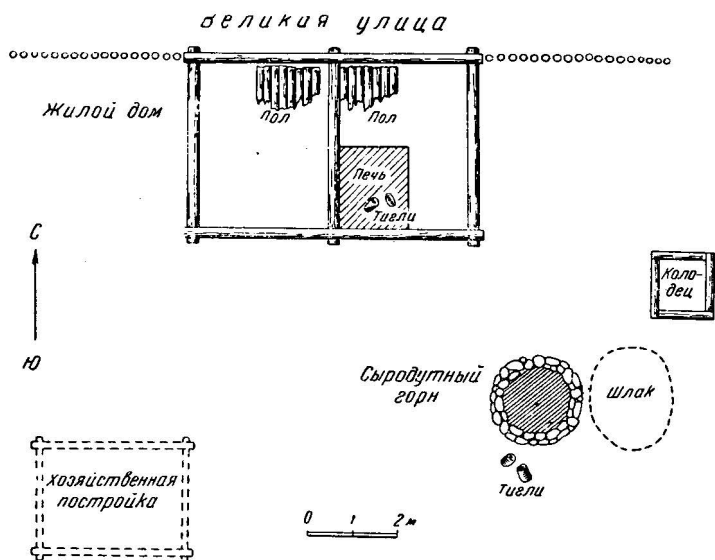

Рис. 3. Усадьба ремесленника XIV в.

К концу XIV — началу XV в. относится открытая на южной стороне Великой улицы, напротив церкви Николы Мокрого, усадьба ремесленника — кричника, ювелира и литейщика (рис. 3). Дом выявился в виде остатков нижнего венца сруба, конструкция которого чрезвычайно интересна. Прекрасно сохранилось центральное бревно сруба, образующее пятую стенку, разделяющую помещение на две комнаты. Другие три стены легко восстанавливаются по остаткам бревен, и только северная стена нарушена позднейшими сооружениями городского хозяйства. Перед нами — наземная изба-пятистенка из еловых бревен толщиной 28—32 см, концы которых зарублены «в обло». Длина избы 6,90 м, причем западная часть помещения, отделенная пятой стенкой, имеет длину 3,40 м, восточная — 3,50 м. Ширина избы вряд ли превышала 4 м. Длинная ось дома ориентирована довольно точно в направлении с запада на восток. Дом выходил непосредственно на улицу своим длинным фасадом. Внутреннее устройство жилища представляется нам в следующем виде. Изба имела деревянный пол, настланный из еловых досок, положенных в направлении с севера на юг, параллельно короткой стене. В юго-западном углу восточного помещения находилась печь, сложенная из маломерного кирпича, с большим количеством глины. Устройство печи восстановить нет возможности, так как она совершенно развалилась. В развале печи обнаружена кухонная посуда — два горшка и кувшин, а также два небольших тигля для плавки металла. Вход в дом был, по всей вероятности, со двора через восточную комнату, где

стояла печь, а уже из этой комнаты попадали в западную часть помещения. По крайней мере, так это бывает в современных избах подобного типа. Восточная комната служила не только для приготовления пищи, но и для работы хозяина, который брал сюда, очевидно, для отливки в формах изделий (литейная форма найдена рядом с домом) тигли с металлом и, чтобы металл не застыл, ставил тигли в печь. Самая же плавка металла происходила в горне, находившемся во дворе, в 3 м к юго-востоку от дома. Горн этот разрушен настолько, что нам не удалось восстановить хотя бы в общих чертах его конструкцию. Ясно только, что он был выложен из кирпичей того же размера, что и печь в доме, и из глины. Среди развалин горна найдено еще пять тиглей, по размеру и форме точно совпадающих с найденными в доме. Рядом с развалинами горна было большое скопление железистого шлака.

В глубине двора, в 6 м к западу от горна, был обнаружен накат из неошкуренных березовых бревен диаметром 20—25 см, ориентированных с севера на юг и покрытых рогожей. Значительное количество навоза вокруг этих бревен заставляет предположить, что здесь — остатки хозяйственной постройки.

Такова планировка усадьбы московского ремесленника-ювелира, производившего, судя по найденной литейной форме и остаткам металла в тиглях, украшения из бронзы и получавшего из руды кричное железо: просторная двухкамерная наземная изба, с деревянным полом, выходившая длинным фасадом на улицу, и открытый двор, в глубине которого располагались хозяйственные и производственные сооружения (рис. 3). Описанная только что изба XIV—XV вв. — первая известная нам русская изба-пятистенка. Этнографы до недавнего времени считали, что этот тип постройки появляется у восточных славян лишь в сравнительно позднее время — в XIX в.

В середине XV в. район Зарядья целиком выгорел во время одного из пожаров, которые были обычным бедствием для деревянного города Москвы. Под 1468 г. Московский летописный свод сообщает: «Того же лета месяца мая в 23 день в 2 час ночи загорелся посад на Москве у Николы Мокрово, и много дворов бесчисленно згоре. Горело вверх по рву за Богоявленскую улицу, а от Богоявления улицею мимо Весяковых двор по Иван святы на пять улиц, а от Иоанна святаго на Подол по Васильевской луг да на Большую улицу, на Вострой конец, и по самую реку, да по Кузму Демиана на Вострой конец. Истомно же тогда было и нутрь городу, понеже бо ветрено было и вихор мног, но бог сохрани его»¹³. Этот колоссальный пожар, во время которого, как явствует из повествования летописи, погиб почти весь Великий посад, выгорели сплошь строения по обе стороны Большой, или Великой, улицы и едва не пострадал и кремль, конечно оставил в культурном слое весьма значительный след. Во время раскопок, особенно к северу от бывшей Великой улицы (которая по направлению совпадала с Мокринским переулком, существовавшим до 1941 г.), вскрыт ряд построек, погибших во время этого пожара. Постройки эти, стало быть, были созданы за несколько времени до пожара 1468 г., т. е. по крайней мере в 40—50-х гг. XV в. Здесь вскрыта значительная часть участка, который в XV в. был занят двумя усадьбами.

Участки обеих усадеб были огорожены заборами, причем в эту пору, очевидно, не практиковалось устройство одного общего забора между смежными участками. Каждая усадьба имела свой крепкий частокол (рис. 4 А, В) из еловых кольев толщиной 15—20 см у западной усадьбы и 20—25 см — у восточной. Нижние концы кольев были врыты в землю и укреплены дополнительно горизонтальными лагами.

¹³ Московский летописный свод конца XV в., М.—Л., 1949, стр. 281.

Между частоколами имеется проход — линия «ничей земли» шириной в 2—2,60 м. В этом проходе расположен колодец размером 1 × 1,10 м глубиной примерно 1,75—2 м. Он был укреплен не срубом из горизонтальных венцов, как обычно укреплялись русские колодцы, а вертикально вбитыми в грунт горбылями, обращенными внутрь колодца наружной неошкуренной стороной и заостренными на концах, чтобы их легче было вбивать в землю (рис. 4, Б). Такое крепление и небольшая

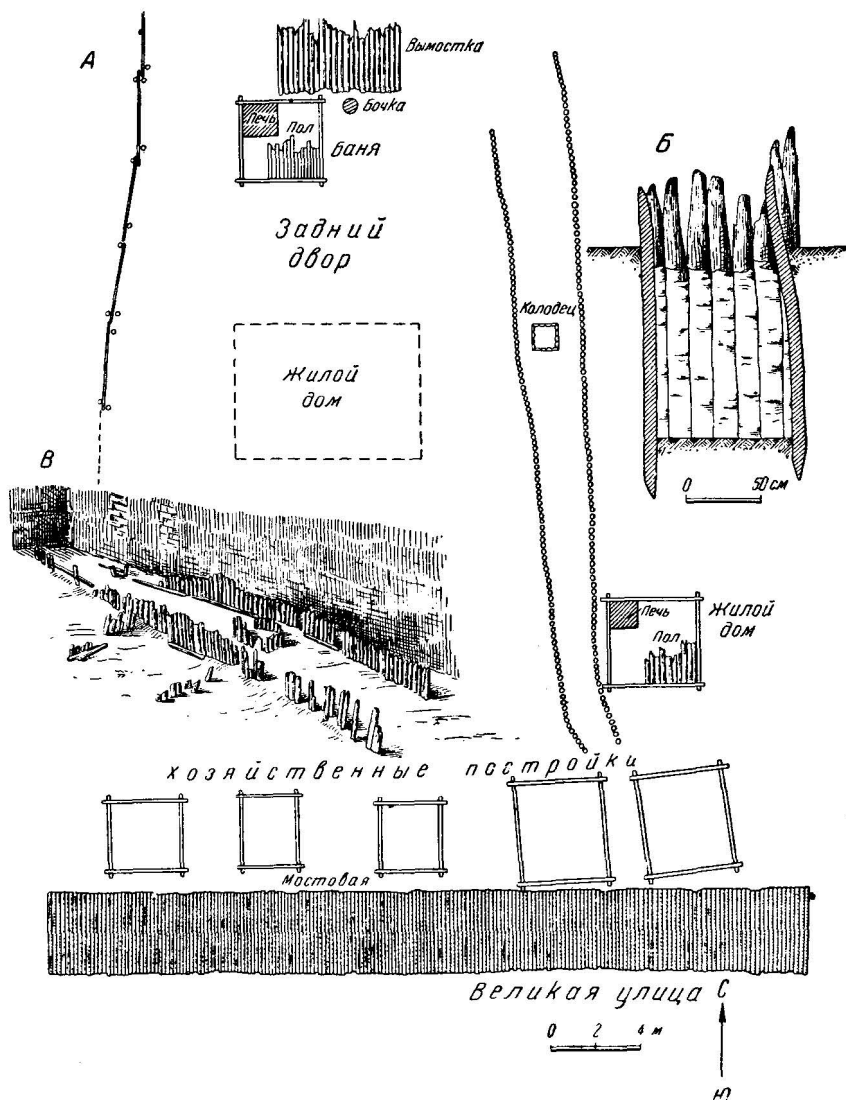

Рис. 4. Две усадьбы посадских людей XV в.: А — схематический план; Б — деталь (колодец); В — вид частоколов и колодца

глубина колодца указывают, по нашему мнению, на временный характер этого сооружения. И частоколы, и колодец сильно обгорели во время пожара. Очевидно, выгорела вся их наружная часть и остались лишь незначительные куски над землей и те части, что были врыты в землю. Поэтому, по уровню обгоревших остатков мы можем ориентировочно определить и уровень дневной поверхности того времени, который находился на глубине 3—3,5 м от современной поверхности земли. На этом уровне обнаружены и обгоревшие остатки зданий, принадлежавших к обоим соседним усадьбам.

Исследование участка к западу от частокола показало, что здесь находились какие-то крупные постройки, которые были растащены, очевидно, во время пожара и теперь представляют собой лишь беспорядочно лежащие бревна, по которым нельзя судить о характере этих построек.

В центре участка, очевидно, находился основной комплекс жилых построек. На это, по нашему мнению, указывает большая толщина словых бревен, из которых он был сооружен (35 см и более). От разрушенного до основания дома осталось лишь небольшое надворное строение, расположенное позади него. Оно было сооружено из строительных отходов (употребляя современное выражение), причем в основной

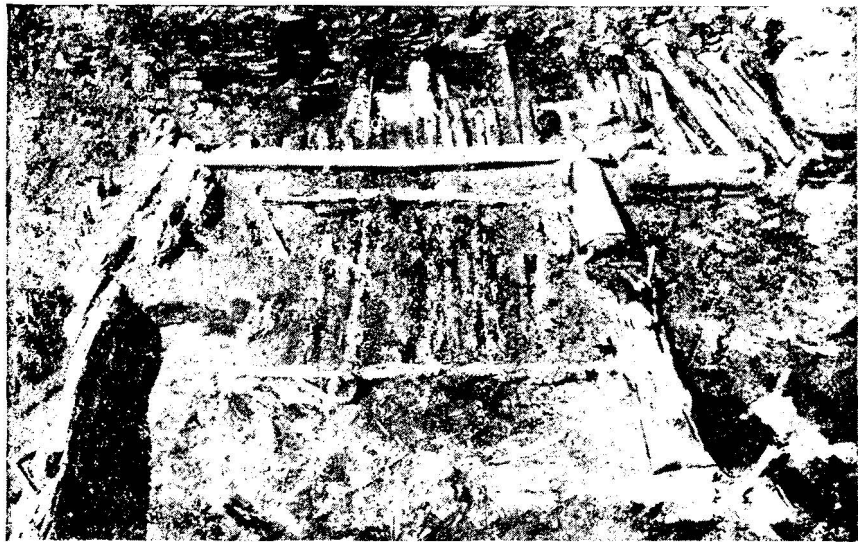

Рис. 5. Остатки бани на усадьбе XV в.

его венец попали бревна разной толщины (что обычно не практикуется). Ориентировано оно, так же как и другие постройки района, почти точно по странам света. Восточное и западное бревна венца достигали толщины 38 см, в то время как поперек них лежали бревна толщиной 15—18 см, врубленные в толстые бревна «в обло». Размер строения, насколько можно судить по сохранившейся его части, был примерно $3,60 \times 3,80$ м. В северо-восточном углу помещалась большая глинобитная печь, занимавшая почти всю площадь постройки. Пол был наслан из круглых жердей, толщиной 8—10 см, лежащих в направлении с севера на юг, причем такая же вымостка шла и вне постройки вдоль ее северной стенки (рис. 5). Весь характер постройки ясно определяет ее назначение. Перед нами баня, какие встречаются в некоторых деревнях в виде пережитка и до сих пор. В частности, действовавшую баню совершенно такой же конструкции, но с печью-каменкой мне удалось осмотреть в 1950 г. в деревне Тушков городок Можайского района. В северо-западном углу бани найдена маленькая овальная костяная печать с изображением воина, держащего в правой руке копьё, а в левой — щит. По краю печати вырезана надпись: «Печать Ивана Карови». Возможно, что это и есть имя владельца усадьбы, хотя определенно утверждать этого нельзя. К западу от частокола, примерно в 17—18 м, прослежены остатки забора из кольев и горизонтальных слег, очевидно, ограничивавшего усадьбу с запада. Южной и северной границы усадьбы не обнаружено, но надо думать, что с юга усадьба была ограничена Великой улицей, а на север она могла про-

стираться до линии современного Ершова переулка. Таким образом, длина участка усадьбы определяется примерно в 45—50 м, ширина 18—20, а площадь, следовательно, 900—1000 м², что составит около 220 кв. сажен. Несомненно, что это была усадьба зажиточного человека.

Восточная усадьба, как и западная, вскрыта лишь частично. Ее постройки также почти целиком уничтожены (частью при пожаре 1468 г., частью же при постройке позднейших сооружений). До нас дошли лишь остатки какого-то дома и службы. Дом расположен в западной части участка, почти вплотную к частоколу, на расстоянии 8 м от улицы, и ориентирован точно по странам света. Обуглившиеся остатки бревен диаметром 15—20 см образуют единственный уцелевший угол здания. Пол был настлан из досок шириной 28—30 см, опирающихся на перпендикулярные им лаги. Направление досок — с севера на юг. Печь находилась, очевидно, в несохранившемся северо-западном углу здания, где ясно прослежены четыре столба, на которые она опиралась (рис. 4, А). Пространство между столбами (площадью 1,30 × 1,40 м) не покрыто досками пола, что подтверждает нашу догадку и выявляет ту же конструкцию русской печи, о которой говорилось выше.

Размер постройки, когда она не была разрушена, в направлении с запада на восток достигал 4 м. Южная часть дома нарушена позднейшим сооружением. Поэтому мы не можем составить себе полного представления о характере постройки, но, по всей вероятности, это была изба, поставленная непосредственно на поверхность земли. Наличие русской печи и досчатого пола заставляет нас предположить, что это был жилой дом, но малая площадь здания в сопоставлении с большой сравнительно площадью усадьбы наталкивает на мысль о том, что дом этот не был единственным на территории усадьбы. Здесь могли быть и другие жилые помещения, как самостоятельные, так и связанные непосредственно с открытым нами домом. В зависимости от этого и дом мог быть частью большого здания либо самостоятельным однокамерным жилищем размером примерно 4 × 4 м. Так или иначе, жилые постройки восточной усадьбы XV в. размещались во дворе, а на улицу выходили службы. Прямо к мостовой улицы примыкал сруб размером 4,20 × 4 м из тонких бревен, рубленных «в обло». Сохранились его южная, восточная и западная стенки (северная стенка разрушена позднейшими постройками). То обстоятельство, что бревна обгорели в основном изнутри, показывает, что сруб был врыт в землю. Отметка пола его примерно на 1 м глубже отметки пола описанного выше дома. Судя по находкам в срубе днищ от бочек и двух столбов, стоящих на полу, при отсутствии окон, это был погреб. Ниже мы увидим, что постройка погребов отдельно от основного здания в Москве в XV—XVI вв. практиковалась. На плотном убитом земляном полу найдены остатки тонких досок, возможно от кровли.

Итак, части двух усадеб XV в., примыкавших к Великой улице, принадлежали, судя по размерам участков, характеру оград и находке печати, зажиточным людям. Обе усадьбы представляли собой сложные комплексы построек, причем жилой дом (или дома) помещался во дворе, на улицу же выходили службы. Баня располагалась позади дома. Самый дом, как это устанавливается по его остаткам, строился непосредственно на поверхности земли, без подклета. Участки были вытянуты в направлении, перпендикулярном улице.

Часть усадьбы посадского человека конца XV — начала XVI в. была раскопана нами совсем в другом районе Москвы, за Яузой, в Гончарной слободе. Усадьба эта была расположена на склоне Таганского холма, под самой кручей, во владении б. дома № 7 по Подгорскому переулку, где в настоящее время построено высотное здание. Чрезвычайно тесная застройка района каменными зданиями в XIX—

XX вв. не позволила нам вскрыть усадьбу полностью и выявить ее отношение к улице, но есть основания предполагать, что улица проходила западнее усадьбы, примерно по линии современного Подгорского переулка.

В этом районе, в связи с несколько иными условиями залегания в культурном слое, дерево не сохраняется, и остатки постройки, исследованные нами, сохранились только потому, что усадьба погибла при пожаре и обуглившиеся бревна дома не сгнили. Так, удалось расчистить четыре нижних венца сруба жилого дома и шесть венцов сруба

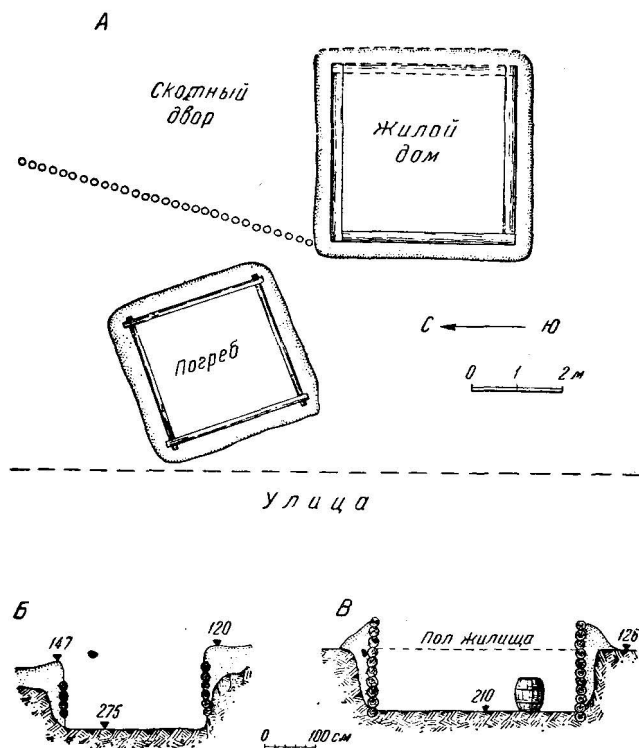

Рис. 6. Усадьба посадского человека XV в.: А — схематический план; Б — разрез погреба; В — разрез жилого дома

хозяйственной постройки. Жилой дом стоял в глубине двора и был ориентирован почти точно по странам света. От него сохранились три стены (восточная стена нарушена позднейшими сооружениями), длиной 4—4,20 м каждая. Очевидно, здание было размером примерно 4×4 м. Характер скрепления бревен на углах определить не было возможности. Сруб был врыт в материковый песок на глубину 20—25 см, а вырытый из ямы песок, как удалось это установить, был присыпан к стенам дома, образуя завалинки, какие можно видеть и сейчас в некоторых бревенчатых зданиях (рис. 6, В). Открытая при раскопках нижняя часть дома была не жилой комнатой, а подклетом, который использовали и для хранения продуктов. Жилое помещение находилось выше. Это предположение подтверждается тем, что помещение не имело деревянного пола. Пол здесь образовывал плотно убитый песок. На этом земляном полу стояли бочки и бочонки с зерном (рожью, ячменем, пшеном). При пожаре дома в подклет обрушился деревянный пол верхнего помещения, а с ним вместе и некоторые предметы, говорящие о жилье,— часть двери с большим железным внутренним замком (дверь, как видно, была поблизости от северо-восточного угла

дома), куски слюды от окон из южной стены дома, несколько обломков кирпича (возможно, от печи), обломки посуды, бронзовый нателный крест хорошей работы с рядом изображений, по которым можно

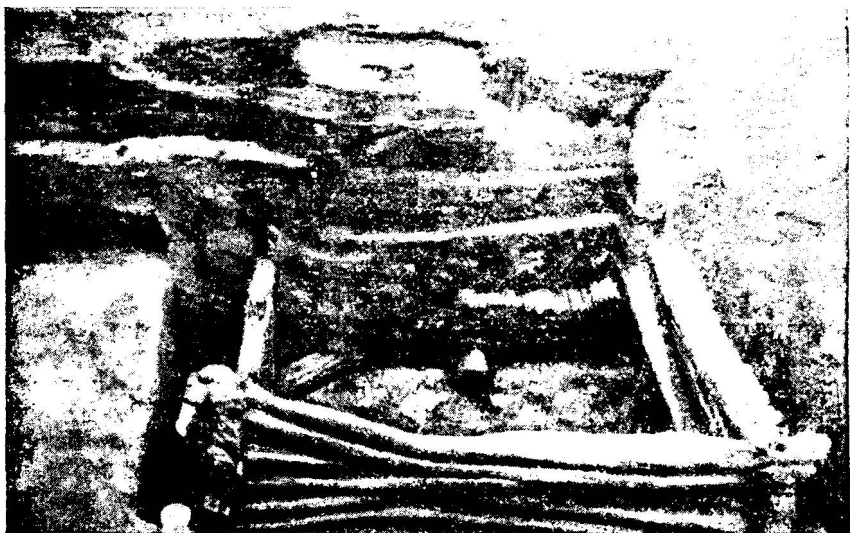

Рис. 7. Вид погребя, перекрытого накатом сверху (XVI в.).

датировать и все сооружение концом XV—началом XVI в., и даже кусок хлеба, впрочем совершенно обугленного.

С севера к дому примыкал скотный двор. Он был огорожен частоколом из бревен толщиной 15—16 см (а дом построен из бревен

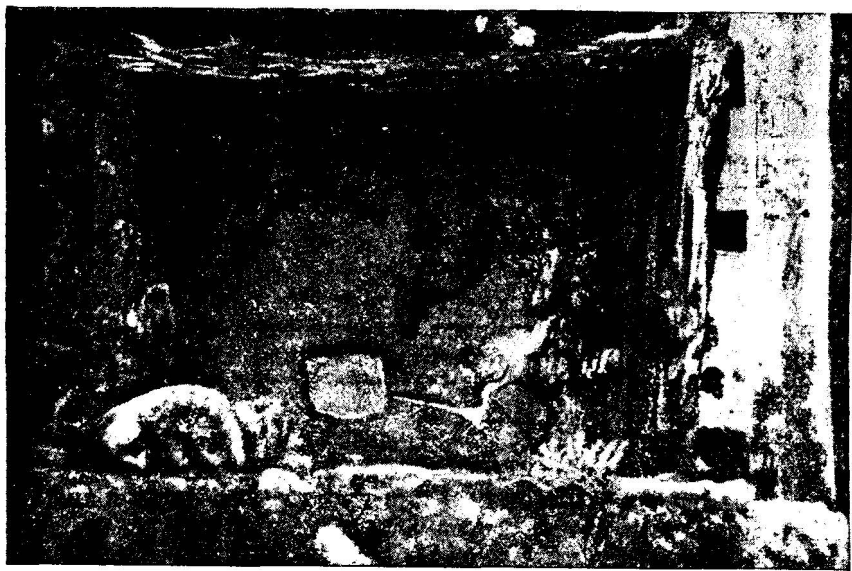

Рис. 8. Вид погребя XIV в.

диаметром 20—22 см). Внутри частокола слоем лежал навоз, перемешанный с соломой, среди которой найдены остатки корзины, железные подковки и лыковый лапот. Трудно сказать, был ли скотный двор крытым, так как остатков кровли обнаружить не удалось. Возможно, что

кровля эта была соломенной или же что она упала при пожаре на ту часть площади двора, которая осталась не раскрытой. В двух с небольшим метрах к западу от скотного двора находился погреб. Он помещался в прямоугольной яме размером $3,20 \times 2,85$ м, вырытой в материковом песке на глубину $0,90—1,00$ м. В яму был опущен сруб несколько меньших, чем яма, размеров, срубленный из еловых и дубовых горбылей и плах, концы которых соединены «в лапу». Пространство между стенами сруба и границей ямы было вновь забито песком, а сверху из того же песка была насыпана завалинка до 70 см высотой. Общая высота сохранившейся части погреба — до 1,60 м. Кровля его была, по всей вероятности, деревянной. Ее обгорелые остатки покрывали дно погреба. Погреб был пуст. Очевидно, его содержимое представляло для хозяев большую важность и было целиком спасено от пожара. Сооружение погреба такой же конструкции нам случилось видеть в том же районе в 1947 г.

Погреба несколько иной конструкции встречены при раскопках в районе Великой улицы. Это были срубы из еловых бревен, рубленные, как правило, «в обло» и чаще всего покрытые сверху накатом из тонких бревен (рис. 7). Размер их обычно около 3×3 м, глубина $1,50—2,00$ м. На земляном полу этих погребов нередко оставались днища бочек (рис. 8). Погреб был, как видно, необходимой частью всякого московского жилища, богатого и бедного. Разница была лишь в содержимом стоявших в погребе бочек, в которых у рядового населения хранилось зерно и простейшие соленья, а у богатых, кроме того, и дорогие меды. Так в повести «О московском взятии от царя Тохтамыша» 1382 г. говорится, что во время осады возмущившееся население «начаша обходить по дворам и износяще из погребов меды господские»¹⁴.

Открытая на устье Яузы усадьба XV—XVI в., судя по находкам сложного металлического внутреннего замка, бронзового нательного креста хорошей работы, а также по общему характеру дома (с закрытыми слюдой окнами) и надворных построек, принадлежала довольно зажиточному человеку, но во всяком случае не крупному феодалу. По данным археологических раскопок 1946/47 г. и по письменным источникам, в XV—XVI вв. этот район (Заяузь) был заселен в основном ремесленниками различных профессий (гончарами, кузнецами, оружейниками и т. п.), среди которых встречались и люди зажиточные вроде кольчужника Григория, Дмитриева сына, богатое надгробие которого открыто на почетном месте у алтарной абсиды приходской церкви Никиты¹⁵. Бояре и дворяне селились в этом районе лишь с XVII в.¹⁶

На Великом же посаде процесс вытеснения ремесленников высшими слоями населения Москвы начался значительно раньше. В частности, упоминавшийся уже нами район Большой, или Великой, улицы, примыкавший к церкви Николы Мокрого, уже в конце XV в. принадлежал крупному феодалу, князю Ивану Юрьевичу Патрикееву¹⁷, у которого был отобран великим князем, давшим Патрикееву взамен другие участки земли в Москве. Отобранные у Патрикеева земли князь, очевидно, давал меньшими участками для дворов боярам, дворянам, а может быть и купцам, которые, как известно, переселялись в Москву в этот период довольно интенсивно. Во всяком случае, уже с начала XVI в. на посаде в районе Великой улицы не встречается дворов

¹⁴ «Московский летописный свод», стр. 207.

¹⁵ М. Г. Рабинович, Раскопки в Москве на устье р. Яузы в 1946/47 г., «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, М., 1949.

¹⁶ Там же, стр. 42—43.

¹⁷ Духовная грамота кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVII вв.» М.—Л., 1950, № 86, стр. 347—348.

ремесленников. Здесь при раскопках открыты только усадьбы представителей высших классов.

Одна такая усадьба первой половины XVI в. была по соседству с церковью Николы Мокрого, на северной стороне Великой улицы. Она расположена как раз на месте описанной выше восточной усадьбы XV в., и ее постройки частично нарушили остатки строений этой усадь-

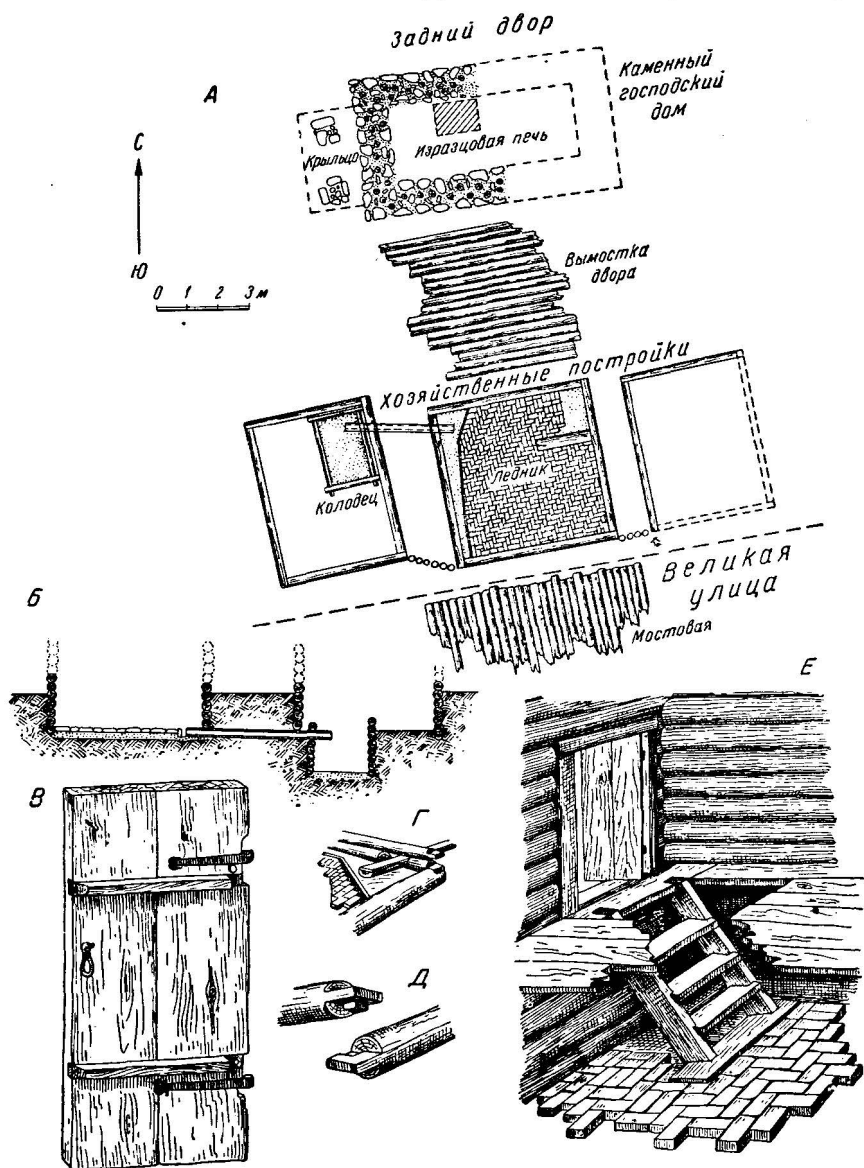

Рис. 9. Боярская усадьба XVI в.: А — схематический план; Б — разрез ледника и поглощающего колодца; В — дверь ледника; Г — выход дренажной трубы из ледника; Д — соединение бревен на углах («в лапу с зубом»); Е — часть погреба (реконструкция)

бы, уцелевшие после пожара. Жилой дом здесь был каменным (рис. 9). Он стоял в глубине двора, на расстоянии 18 м от мостовой улицы. Открывшаяся часть фундамента дома дает возможность составить представление о некоторых чертах постройки в целом. Дом был, очевидно, прямоугольный и стоял длинной стороной к улице. Его короткая сто-

рона, открывшаяся в раскопе, ориентирована почти точно в направлении с севера на юг. Длина ее 4,6 м. С западной стороны дома находилось высокое крыльцо, стоявшее на специальных каменных опорных столбах, квадратные основания которых удалось проследить в земле. Фундамент дома был сложной конструкции. В землю были вбиты по всей линии будущей кладки фундамента, на расстоянии 30—40 см друг от друга, дубовые сваи длиной 1,20—1,50 м и толщиной 20—22 см, заостренные на нижних концах. На этом свайном основании был выложен

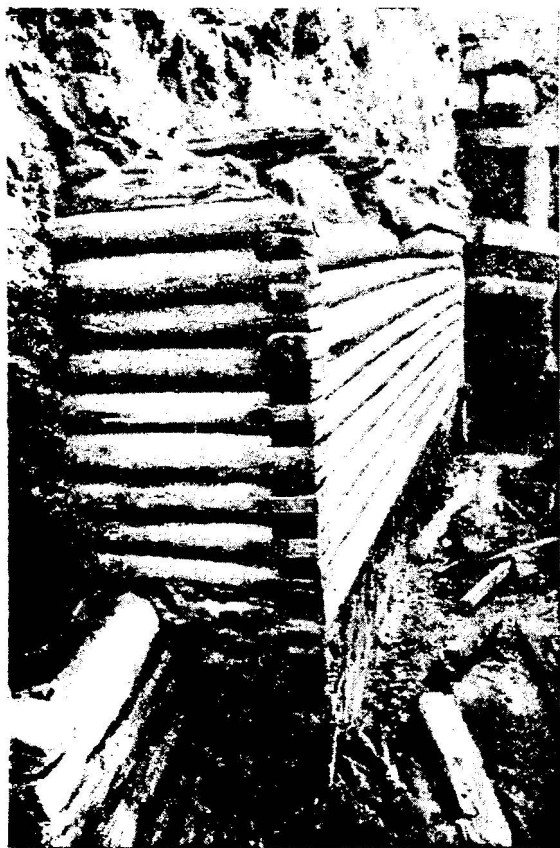

Рис. 10. Сруб XVI в.

из белого бутового камня самый фундамент здания. Стены его достигали толщины 1,20 м. Основания столбов крыльца 1×1 м. Мы не можем представить себе внешнего вида здания, за исключением той его особенности, что оно имело выносное на столбах крыльцо. Жилые помещения находились на 1,20—1,50 м выше основания фундамента. На этой высоте открылись остатки толстых деревянных брусев, на которых стояла печь, находившаяся у северной стены дома (рис. 9, А). Здание стояло до начала XVII в., как это видно из находок в его развалинах большого количества терракотовых (так называемых «красных») изразцов, которые вошли в широкое употребление в Москве в конце XVI—начале XVII в. как во внешней отделке зданий, так и в убранстве их интерьера¹⁸. Изразцами в этом доме была облицована печь, служившая не только для тепла, но и для украшения парадной комна-

¹⁸ А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938; см. также М. Г. Рабинович, Московская керамика, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып 12

ты, которая, видимо, находилась сразу при входе. Жилые же помещения находились в восточной части здания.

Хозяйственные постройки располагались вдоль улицы (рис. 9), выходя на нее своими глухими стенами. У самой мостовой открылись два сруба из толстых дубовых бревен (толщиной 25—30 см), рубленных «в лапу». Западный сруб, с земляным полом, укрепленный по углам «стульями» — врытыми в землю толстыми деревянными столбами, на которые он опирался, очевидно, был каким-либо сараем. Восточный же сруб, расположенный в 2 м от первого, имел совершенно особую конструкцию, на которой стоит остановиться.

Это было большое здание, размером 5,20 × 5,20 м, срубленное из неошкуранных дубовых бревен, причем углы скреплены сложным замком «в лапу» с зубом (рис. 9, Г), и врытое в землю на глубину 1,0—1,5 м. Пол его был выложен «в елочку» красным кирпичом (средний размер 29—30 × 12,5—14 × 5,5—6,5 см), причем вдоль западной стены сруба оставалось не замощенное кирпичом пространство в 30—40 см шириной для стока воды, укрепленное специальной доской. К этому жолобу через специальное отверстие, прорубленное в западной стенке труба на уровне пола, в 50—60 см от северо-западного его угла, была подведена дренажная труба (рис. 9, Г), отводившая воду из сруба в специальный сточный колодец, находившийся в полу западного сруба. Труба эта представляла собой дубовое бревно длиной 2,80 м и толщиной 28 см, в котором сверху выдолблен квадратный в сечении канал, шириной и глубиной 12 см, прикрытый сверху доской. Колодец — удлиненный, прямоугольный сруб, с углами, скрепленными «в обло». Бревна тщательно пригнаны друг к другу «в паз». Вся система (рис. 9) представляет собой дренажное сооружение, встречаемое впервые. В северо-восточном углу сруба пол также не был замощен кирпичом. Здесь, на расстоянии 1,75 м от северной стенки сруба, было врыто в землю стесанное сверху бревно длиной 2,20 м, шириной 33 см и толщиной 30 см. На стесанной поверхности бревна ясно видны пазы от стоявших здесь наклонных брусьев лестницы, ведущей из подвала вверх. Тут же лежала упавшая сверху во время разрушения здания массивная дверь, сделанная из двух досок, с двумя железными петлями для навески и пробоем для всячего замка (рис. 9, В). В южной части сруба найдены остатки обрушившегося деревянного перекрытия. В засыпке подвала встречаются различные предметы, говорящие о назначении всего здания в целом, — остатки больших и малых бочек, удила, тележная ось, часть передка от саней, украшенного богатой резьбой, обшлаг рукава одежды из грубой шерстяной ткани, деревянная мешалка, обрывки рогожи. Все это указывает на хозяйственное назначение этой постройки.

Это была чрезвычайно благоустроенная двухэтажная надворная постройка, нижний (подвальный) этаж которой представлял собой погреб-ледник для хранения в основном каких-то жидкостей (бочки в нем снабжены пробками), оборудованный по последнему слову тогдашней холодильной техники. На его каменный пол мог накладываться лед, а летом вода от таяния льда и почвенные воды, какие могли проникнуть в подземное помещение, отводились в сточный колодец. Верхний этаж постройки использовался для хранения разной хозяйственной утвари. Об обычае хранить в леднике всякого рода хмельные напитки говорит старая русская поговорка: «Есть и медок, да засечен в ледок»¹⁹. На расстоянии 1,5 м к востоку от погреба-ледника открылась часть небольшого сруба из тонких еловых бревен, углы которого также были рублены «в лапу» (рис. 10). Возможно, что это также хозяйственная постройка той же усадьбы.

¹⁹ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, М., 1937. стр. 248.

Двор усадьбы был замощен, причем основу вымостки составлял каркас из бревен, лежащих на расстоянии в одно бревно друг от друга и скрепленных лежащими внизу поперечными лагами. Пространство между бревнами было плотно забито щепой, прутьями, землей. Сверху на ряде участков все это было прикрыто дранкой или устлано вязанками прутьев. Остатки такой вымостки прослежены как со стороны улицы

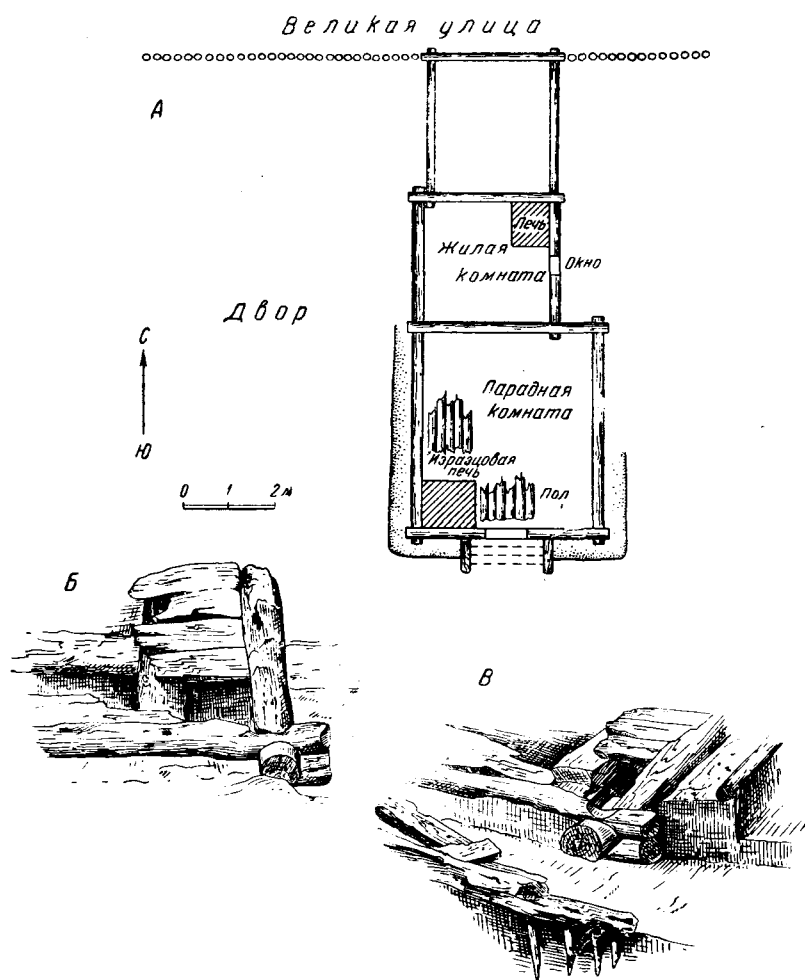

Рис. 11. Дом приказного XVII в.: А — схематический план; Б — деталь устройства пола; В — деталь устройства завалинки

между домом и надворными постройками, так и (главным образом) позади дома. Здесь найдены колесные чеки, часть тележной оси, ступица колеса, санный полоз.

Позади дома располагался, очевидно, обширный скотный двор. Здесь навоз лежал целым слоем, а в некоторых местах, где нужно было проходить людям, были положены такие же дранки, как описано выше. Среди остатков скотного двора найдено большое количество растяжек для разделки туш, а также, что гораздо интереснее, около двух десятков «бирок» — деревянных палочек с зарубками, служивших своеобразными бухгалтерскими документами в раскрытом нами хозяйстве крупного феодала. То, что усадьба принадлежала какому-то очень богатому человеку, несомненно. Ее площадь могла достигать 2000 кв. саж (около гектара по современным единицам измерения). Каменные барски

палаты в центре усадьбы, выдвинутые на улицу богатые, солидно построенные службы, небольшой передний двор и огромный задний двор — все это предвосхищает уже известную нам по чертежам конца XVII в. планировку усадеб московских бояр. Такова, например, в общих чертах планировка усадьбы бояр Стрешневых, занимавшей когда-то угол Смоленской улицы (ныне ул. Калинина, где сейчас новое здание библиотеки им. Ленина)²⁰. Но еще ближе к открытой нами усадьбе по характеру планировки передней части двор Юрьева. На чертеже видны ворота, ведущие на улицу. Вдоль забора по улице стоят: ледник²¹, каменная людская палата, чуланы, под прямым углом к ним по другой границе двора — конюшня, сарай, поварня. Барские палаты находятся поодаль, в глубине двора.

Таким образом, усадьба середины XVI в. (времени Грозного) является прототипом позднейших барских усадеб XVII в. и в особенности XVIII в. с их «почетными дворами», окруженными выходящими на улицу «чистыми службами».

Но наряду с такой планировкой усадьбы в Москве долго еще держалась и иная планировка, при которой жилой дом стоит торцом к улице, выходя на нее своим коротким фасадом, как это и сейчас обычно бывает в великорусских деревнях.

Последняя из описываемых в данной работе усадеб относится к середине XVII в. Она находилась на южной стороне Великой улицы, наискосок к юго-востоку от только что описанной, напротив церкви Николы Мокрого. Весь дом сгорел при каком-то пожаре, и бревна его были растащены. Остались лишь обугленные части нижнего венца, причем и здесь многие бревна оказались сдвинутыми со своих первоначальных мест (рис. 11). Дом состоял из трех рядом стоящих срубов, очевидно соединенных дверями. Все три сруба, ориентированные с севера на юг, рублены «в обло» из еловых бревен толщиной около 20 см. Наибольший из них, самый южный, размером 4,40 × 4,55 м, средний — 3,30 × 3,50 м и, наконец, северный, выходящий на улицу, очевидно 3,00 × 3,00 м (северная его стенка нарушена позднейшими уличными сооружениями). Все три сруба, по всей вероятности, имели досчатый пол, но доски пола, лежащие в направлении с севера на юг на положенных снизу лагах, упираясь концами в стенки сруба (рис. 11, Б), сохранились лишь в южном помещении. Находки слюды в среднем срубе позволяют предположить, что окна были прорублены и в его восточной и в западной стенках. Печи удалось проследить в двух помещениях. В южном (наибольшем) печь стояла в юго-западном углу и была облицована нарядными зелеными «муравленными» изразцами, какие были в моде в Москве в середине XVII в.²² В средней комнате печь стояла в северо-восточном углу и не была столь богато украшена. В северной комнате, выходявшей на улицу, печь если и была, то в северной части, разрушенной позднейшими сооружениями.

Обращает на себя внимание конструкция завалинки, прослеженная у юго-западного угла здания (рис. 11, Б). Завалинка была укреплена рядом бревен, шедших параллельно стене здания, удерживавшихся вбитыми в землю небольшими деревянными кольями. Пространство между бревнами и стеной было завалено тут же взятой черной землей. Таким образом, открытый нами дом XVII в. представлял собой усложненный вариант наземной избы, не углубленной в землю, с завалинкой. Усложнение жилища здесь шло за счет пристройки к нему дополнительных срубов, образовавших жилые комнаты. При этом парадной

²⁰ «Сборник чертежей Москвы и города Пскова», составлен В. И. Ламанским, М., 1915, табл. XIV.

²¹ Ледники и в XVII в. являлись принадлежностью только очень богатых домов. Например, особо отмечается постройка царского дворца «с ледниками».

²² А. В. Филиппов, Древнерусские изразцы, т. I, М., Изразцы эти могли быть в печи до самого конца XVII в.

комнатой являлась, очевидно, задняя, украшенная изразцовой печью, в двух других проходила частная жизнь хозяев. Хозяйственные и обслуживающие постройки находились, вероятно, где-то поблизости (вероятнее всего, на некотором расстоянии от дома), но от них не осталось и следов. Дом принадлежал, как видно из самой усложненности постройки и наличия в ней изразцовой печи, человеку зажиточному, хотя и не очень богатому. О занятиях хозяина дают нам представление некоторые находки. В доме найден глиняный подсвечник и две чернильницы, причем одна из них портативная, с отверстиями для шнура, за который она могла подвешиваться, и с узким горлышком, чтобы чернила не проливались, а другая — настольная, представляющая собой как бы целый письменный прибор из трех отделений: пузырьки для чернил, отделения с круглыми отверстиями для гусиных перьев и открытой коробочки для песка, нередко употреблявшегося еще и в XIX в. вместо пресс-папье. Такое обилие письменных принадлежностей могло быть в ту пору только в доме какого-нибудь приказного.

Наиболее поздний из открытых нами домов стоял рядом с церковью Николы Мокрого. Он принадлежал, как выяснилось, одному из очень знатных крымских феодалов, выехавших на службу московским царям, — князю Василию Сулешеву. Сулешевы — одни из самых родовитых московских бояр, выигравшие в конце XVII в. местнический спор у самих Шереметевых. Дом Сулешева был настоящим дворцом, выстроенным из белого камня. Но этот дом, просуществовавший до 1941 г., был так сильно перестроен в XVIII—XX вв., что выявление его древнейшего комплекса, правда уже намеченное нами по археологическим данным, требует специальной работы историко-архитектурного характера и заслуживает особой публикации. Поэтому мы не будем включать рассмотрение плана этого дома в настоящую работу, тем более, что по изложенным в начале работы соображениям дворцы московской знати представляют для нашей темы меньший интерес, чем хижины ремесленников.

* * *

Подведем краткие итоги нашего описания домов и усадеб древней Москвы, вскрытых археологическими раскопками в 1946—1950 гг. Наши материалы, хотя и не очень обильные, являются, однако, первыми материалами для Москвы и позволяют попытаться сделать некоторые выводы.

Всего было исследовано девять жилищ.

Из них два дома (XII и XIV вв.) принадлежали бесспорно ремесленникам, два (XIII и XV вв.) — посадским людям, занятий которых точнее определить не удалось, два (XVI и XVII вв.) — дворянам или боярам, один (XVII в.) — приказному и два (XV в.) — зажиточным людям, социальное положение которых также пока не установлено.

Все дома оказались ориентированными довольно точно по странам света, лишь с незначительными отклонениями. Ориентировка же хозяйственных построек, хотя и связана с ориентировкой домов, но допускает большие отклонения.

Дома выходили фасадом непосредственно на улицу всего в трех случаях: дом ремесленника-литейщика XIV—XV вв., дом приказного XVII в. и палаты бояр Сулешевых XVII в. В остальных случаях мы либо бесспорно установили, либо имеем достаточно веские основания предполагать, что дом стоял во дворе, а на улицу выходили хозяйственные постройки.

Ориентировка и размещение всех построек, открытых на Великом посаде, позволяют предположить, что уже с XII—XIII вв. основной организующей его магистралью была Великая улица, ведущая от устья

Неглинной к пристани, которая находилась, очевидно, где-то в районе позднейших Проломных ворот. Улица эта была одной из главных в древней Москве. Древнейший посад представлял собой, очевидно, два ряда дворов, вытянувшихся узкой полосой вдоль дороги к пристани, пролегавшей по относительно возвышенной и сухой гряде низкого, заболоченного берега Москвы-реки. Когда появилась на посаде у пристани церковь Николы Мокрого, «покровителя плавающих и путешествующих», сказать трудно, так как следы древнейшей церкви, очевидно, уничтожены каменным зданием церкви XVII в. и, главное, существовавшим при церкви по крайней мере в течение 400 лет кладбищем. Во всяком случае, в середине XV в. это была одна из важных московских церквей, служившая ориентиром не только для летописца, описывавшего различные московские события, но и для тех читателей, на которых он рассчитывал. Великая улица в ту пору была уже замощена деревянной мостовой обычного для древнерусских городов типа и имела целую систему дренажных сооружений, состоявшую из разных видов деревянных труб и каналов, отводивших воду от улицы как в сторону реки, так и в ложбину берега (или в упомянутый в летописи ров или овраг), в противоположную от реки сторону. Эти устройства говорят о развитии городского хозяйства Москвы, стоявшем в ту пору выше большинства городов Западной Европы. Очевидно, в конце XV и в основном в XVI в. постепенно застроились и низкие части «подола», причем улицы и переулки под косогором шли примерно параллельно или перпендикулярно Великой улице. Вероятно, современная планировка этого района сохранила много от глубокой древности. По крайней мере, примерно такой она показана на Петровом чертеже, составленном в конце XVI в. Что же касается верхней (северной) части посада, то она была застроена в пределах Китай-города значительно раньше XV в.

С ростом значения сухопутных дорог Великая улица перестала играть роль основной магистрали посада, так как она упиралась в болотистый Васильевский луг. Большую роль стали играть в эту пору улицы, позднее называвшиеся Варьской, или Варварской, Ильинской и Никольской, шедшие по гребню холма от Константино-Еленинских, Фроловских, или Спасских, и Никольских ворот Кремля и выводившие на разные дороги, на юг и юго-восток от Москвы. Уже в 1380 г. из трех упомянутых ворот кремля вышло тремя колоннами по трем разным дорогам войско Дмитрия Ивановича, для того чтобы впоследствии соединиться в Коломне и встретить татар на поле Куликовом. Великая же улица перестает играть на посаде главную роль, а после постройки каменных стен Китай-города она должна была иметь только местное значение. В XVI в. она, очевидно, утрачивает и самое название Великой улицы. Во всяком случае, это название не встречается в источниках того времени, а на планах районов Китай-города XVII в. улица называется уже Зачатской, по имени церкви Зачатия Анны, а еще позднее — Мокринским переулком по церкви Николы Мокрого.

Таковы вкратце выводы о развитии планировки района, которые мы можем сделать на основании археологических, картографических и письменных источников.

Что касается планировки отдельной усадьбы, то найденные при раскопках остатки жилищ и усадебных строений позволяют нам сделать вывод о том, что в XII—XIII вв. и усадьбы ремесленников в Москве планировались таким образом, что жилой дом стоял в глубине двора. Но уже в XIV—XV вв. дома ремесленников выходили на улицу. К тому времени развитие экономики уже создало те условия, при которых ремесленник должен был работать не на заказ, а на рынок, на случайного покупателя. При таких условиях дом должен был выходить на торговую улицу. В XVI—XVII вв. дома ремесленников уже почти всегда выходили на улицу, как это отмечено исследователями поздней плани-

ровки Москвы²³. Открытая нами изба приказного также вплотную примыкала к улице, возможно и потому, что этот приказный, носивший всегда с собой чернильницу, промышлял также писанием челобитных для разных клиентов, которых всегда должно было быть множество в бойком районе Зарядья.

Люди же позажиточнее, в особенности дворяне и бояре, вплоть до XVIII в. ставили дома в глубине двора, ограждая себя от улицы рядом хозяйственных построек, выходивших на проезд глухими стенами. Эта застройка сообщала усадьбе характер небольшого укрепления. Очевидно, уже в XVI в. складывается планировка дворянской усадьбы с «чистым» двором впереди, превратившимся в XVIII вв. *cour d'honneur*.

Исключение представляют каменные палаты бояр Сулешевых, выходившие прямо к мостовой улицы. Возможно, что здесь сыграли роль какие-либо соображения эстетического порядка или желание этих богатых и знатных выходцев из Крыма показать все великолепие своих хором, выставив их на улицу, в один ряд с только что построенной нарядной, каменной, в стиле так называемого «московского барокко», церковью Николы Мокрого.

Хозяйственные постройки московских усадеб отличаются обилием и разнообразием. Даже у ремесленников наряду с домом имеется ряд надворных построек; и в XVII в., когда гнет феодальной эксплуатации тяжело отразился не только на сельском, но и на городском населении, когда положение городских низов настолько обострилось, что вспыхнул ряд городских восстаний, усадьбы ремесленников включали множество хозяйственных построек. «На дворе хором горница белая на глухом подклете, да горница черная на глухом же подклете, меж ними сени... да под сенями погреб. В огороде баня с сенями. Ворота в заборе, конюшня с навесом»²⁴, — читаем мы о дворе зажиточного ремесленника Кадашевской слободы в одном из документов, относящихся к 1664 г. Усадьбы богатых людей, даже боярские и дворянские, отличались, как видно из наших материалов, преимущественно большим размером участка, который превосходил участок ремесленника в десять раз и более, количеством и качеством надворных построек, наличием сада, который, впрочем, по археологическим материалам никогда не прослеживается и известен лишь по источникам письменным и графическим.

И в ранние периоды — в XIV, XV, XVI и даже в XVII в. — московские ремесленники и посадские люди держали на своих дворах скот, причем органические остатки, находимые при раскопках, а также состав костного материала говорят о том, что держали не только мясной и молочный, но и рабочий скот — лошадей. Более всего был распространен крупный рогатый скот, затем свиньи, на третьем месте — лошади и только на четвертом — мелкий рогатый скот. И если у бояр и дворян лошади содержались на московских дворах для целей военной службы, парадных выездов и т. п., то у ремесленников это были, по всей вероятности, рабочие лошади. Это обстоятельство позволяет нам предположить, что во всяком случае в XI—XIV вв., а может быть и позже, московские ремесленники и посадские люди не оставили еще вполне земледелия, хотя оно существовало лишь в качестве подсобного занятия.

Помещения для скота — хлевы, конюшни — стоят в московских усадьбах, как правило, отдельно от жилого дома. Лишь в одном случае — в слободе за Яузой (XV—XVI вв.) — мы смогли проследить скотный двор, непосредственно прилежавший к дому. Но и в этом случае стоящий отдельно от дома погреб не позволяет нам предположить существование на московском посаде крытых дворов, столь характерных для позднейших великорусских деревень. По всей вероятности.

²³ П. и Б. Гольденберг, Указ. раб., стр. 50.

²⁴ И. Е. Забелин, Домашний быт русских царей, М., 1918, стр. 456.

здесь имели место открытые дворы с довольно разнообразным расположением надворных построек, в котором и в более поздние времена в XVII в.) мы не можем заметить строгой закономерности. Особо следует отметить наличие погребов, стоящих, как правило, отдельно от домов. Оборудованный рядом приспособлений погреб-ледник из боярской или дворянской усадьбы XVI в. является наиболее выразительным примером того внимания, которое уделяли своему домашнему быту высшие классы населения Москвы. Над погребом располагалась обычная какая-либо нежилая постройка (ср. в цитированном выше документе под сенями погреб).

Производственные помещения — мастерские — располагались у ремесленников обычно во дворе, неподалеку от дома. При этом необходимо отметить, что ряд производственных процессов протекал в самом жилом доме. Не только такие ремесленники, как сапожники, работали зачастую у себя в комнате, но и, например, ювелиры-литейщики, как то нам удалось проследить при исследовании мастерской XIV—XV вв., такую-то часть своей работы проводили в жилом доме. Крупные мастерские, вроде гончарной мануфактуры, открытой на устье Яузы в Гончарной слободе, очевидно, вовсе не были связаны с жилищем²⁵. Дворы же крупных феодалов нередко включали в себя целые дворы ремесленников, зависимых от владельца.

Прежде чем перейти к конкретным выводам относительно устройства жилых помещений в Москве, необходимо констатировать, что тип московского жилища в течение всего рассматриваемого нами периода был чрезвычайно устойчив. Это был ярко выраженный северно-русский тип постройки. Ни в археологических раскопках, ни в письменных источниках мы не встретили для Москвы никаких указаний на жилище, столь характерное для южной Руси, — углубленное в землю, с глинобитным полом и стенами, какие были многократно открыты раскопками в Киеве, Старой Рязани, Суздале²⁶ и других городах. Из московского усадебного комплекса на северно-русский тип постройки указывает наличие бань — «мылен». «Баня, — пишет Н. Н. Воронин, — является поныне одним из основных этнографических признаков северной русской деревни»²⁷, причем и в древней Руси она преимущественно встречалась в северных областях. С другой стороны, в московских жилищах, как правило, отсутствуют подпольные ямы для хранения продуктов, столь часто встречающиеся, например, в Старой Рязани²⁸. В Москве их заменяют погреба, стоящие отдельно от дома, а иногда — подклеты домов.

Основных типов постройки жилого дома в Москве было два — наемная изба с деревянным полом и завалинкой и дом на подклете, иногда также с завалинкой. Общее у обоих типов — срубный характер жилища, резко отличающий его от глинобитных домов южной Руси. Такой тип жилища господствовал на севере по крайней мере с X в., как показали, например, раскопки в Старой Ладог²⁹.

Среди исследованных нами построек пять раз встречены наземные избы и четыре раза дома на подклете. Хронологической закономерности в распространении этих типов не выявляется. Не проследили мы пока и закономерностей социальных. Конечно, оба каменных боярских дома стояли на высоких цоколях, так что в жилые покои надо было подниматься по лестнице. Но, с другой стороны, дом зажиточного

²⁵ М. Г. Рабинович, Раскопки в Москве на устье Яузы в 1946/47 г., стр. 21—31.

²⁶ См., например, М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, стр. 42—43.

²⁷ «История культуры древней Руси», т. I, стр. 228. Следует отметить, что этот важный гигиенический узел, столь обычный для русского жилища, был почти неизвестен в Западной Европе.

²⁸ А. Л. Монгайт, Древнерусские жилища XI—XIII вв. по раскопкам в Старой Рязани, стр. 63 («подпольные ямы открыты почти во всех домах»).

²⁹ В. И. Равдоникас, Старая Ладога, стр. 15.

приказного XVII в. представлял собой избу с завалинкой, а дом посадского человека из Гончарной слободы стоял на подклете. Позднейшие письменные источники не раз указывают нам на дома ремесленников на подклетах. По всей вероятности, эта конструкция была и удобнее и гигиеничнее, но требовала большого количества строевого леса, и сооружение постройки того или иного вида диктовалось рядом случайных обстоятельств, например, ценой леса в данном сезоне.

Таким образом, на основании раскопок мы можем уточнить древнюю границу распространения северного и южного типа жилищ. Граница эта проходила, очевидно, с северо-востока на юго-запад от Волги, оставаясь к юго-востоку Суздаль и Рязань, а к северо-западу Москву, направляясь к Вщижу, в котором также господствовали еще в домонгольскую эпоху срубные постройки³⁰. Дальнейшее направление этой линии можно будет установить только после раскопок в Смоленской области. Следует отметить, что в дяковскую эпоху и к северу от намеченной нами линии были жилища как полуземляночного типа, открытые в ряде пунктов Московской и Смоленской областей, так и наземные.

Границу распространения южного и северного типа жилища логически следовало бы связать с ландшафтными и климатическими зонами, в частности с границей лесостепи и леса. Но на северо-востоке намеченная нами линия пререзает область смешанных лесов в районе Суздаля. Впрочем, это можно объяснить местными особенностями ландшафта Ополя, где мало было хорошего строевого леса.

Материалом для строений в Москве служили преимущественно еловые и дубовые бревна. Можно заметить некоторое преобладание ели особенно в жилых постройках. Это легко объяснимо высокими строительными качествами хвойного дерева, которое дает прямые ровные бревна, хорошо сопротивляющиеся процессам гниения благодаря значительному содержанию смолы. Однако, хвойные породы немногочисленны в механической прочности дубу. Поэтому наиболее ответственные сооружения рубились из дуба. Достаточно упомянуть дубовые стены кремля Ивана Калиты. В городских же строениях дуб шел главным образом на важные хозяйственные постройки, которые не конопатились, поэтому неровность дубовых бревен не сказывалась на постройке отрицательно. Особо следует отметить, что во влажной почве Зарядья дуб прекрасно сохранялся, почему дубовые погреба и подклеты домов прослежены на значительную высоту.

В плане жилой дом представлял собой в большинстве случаев квадратный сруб, размеры которого ограничивались длиной бревна и колебались в среднем около 4×4 — 5×5 м. При этом жилища ремесленников ограничивались, как правило, одним срубом, а жилища зажиточных людей могли состоять из двух, трех и более расположенных рядом срубов. О жилищах рядового населения Москвы Барберин еще в 1565 г. писал, что «...В них одна комната, где едят, работают и делают все; в комнате для тепла печь, где обыкновенно спит вся семья они дают дыму вылетать в дверь и окна»³¹. Однокамерное жилище бедных и средних жителей московского посада дополнялось, как мы видели, несколькими не связанными с избой хозяйственными постройками. Трехкамерный тип жилья (хата + сени + комора), столь распространенный в русской деревне, на нашем материале не прослеживается. Ни двухкамерное жилище, как видно, бытовало и у московских ремесленников. На это указывает описанная выше изба-пятистенка московского литейщика-ювелира XIV—XV вв., состоявшая из двух комнат.

Непременной принадлежностью жилища была глинобитная печь. Печей-каменок, как в Старой Ладог³² нами не прослежено, а кирпич

³⁰ По сообщению Б. А. Рыбакова.

³¹ См. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», т. I, М., 1950, стр. 6.

³² В. И. Равдоникас, Указ. соч., стр. 20.

ная печь всего одна. Из семи открытых при раскопках печей в трех случаях печь стояла в юго-западном углу комнаты, в трех — в северо-западном и в одном случае — в северо-восточном углу. Однако вряд ли на этом основании можно сделать вывод об устойчивой планировке жилища с обязательным положением печи в северо-западном углу. В разных комнатах одного дома (например, в доме приказного) печи оказались стоящими в разных углах. По всей вероятности, в Москве не была гринята традиционная планировка внутреннего помещения деревянных домов, при которой печь расположена обязательно на определенном месте, устьем в сторону, противоположную входной двери. Мы не рискуем поэтому восстанавливать, например, место входной двери, отправляясь от положения устья печи, как это делает В. И. Равдоникас³³, тем более что все печи, вскрытые нашими раскопками, совершенно разрушены.

Мы не сможем поэтому восстановить полностью и конструкцию печи. Но в нескольких случаях прослежено, что основанием печи служили четыре столба, не связанные конструктивно с другими частями дома. Один раз обнаружены остатки деревянных брусев подпечья, какие можно встретить иногда и теперь в деревнях. Исходя из всей совокупности наших источников, следует предположить, что до конца XV в. подавляющее большинство печей не имело дымовой трубы. Да и в XVI—XVII вв. рядовые дома посадских людей отапливались по-черному. Еще в XVII в. шведский посол Петр Петрей писал, что в Москве «у небогатых и бедных курные избы, как и у крестьян в деревнях. Когда топят эти избы, там быть никому от дыма невозможно... а знатные и богатые — те печи у себя в домах кладут изразцовые»³⁴. Эти изразцовые печи имели, конечно, дымовые трубы. При раскопках в комплексах XVI—XVII вв. можно встретить обломки керамических труб, закопченных изнутри и служивших, стало быть, для вывода дыма³⁵. Вероятно, и ранее в богатых домах были печи с дымовыми трубами, но большинство московского населения еще и в XVII в. познавало всю горечь изречения XII в.: «Горести дымные не претерпев, тепла не видати».

Изразцовые печи обнаружены в трех жилищах: боярской усадьбе XVI в., в доме приказного XVII в. и в палатах Сулешевых, где, впрочем, остатки изразцовой печи относились уже к XVIII в. Анализ «красных» изразцов XVI—начала XVII в. и зеленых «муразленных» изразцов середины XVII в., найденных в Зарядье, позволяет установить, что изразцы для печей и внешнего убранства домов этого района покупались по соседству, у мастеров московской Гончарной слободы, продукция которых описана нами в специальной работе³⁶. Здесь же лишь напомним, что изразцовая печь не только давала тепло, но и составляла основное внутреннее украшение комнаты. Различными сюжетами, изображенными на изразцах, любовались, как в XVIII—XIX вв. любовались развешенными по стенам картинами в какой-нибудь богатой гостиной. Понятно, что такого рода печи при чрезвычайной дороговизне изразцов могли быть не во всякой комнате даже у зажиточных людей. Они украшали лишь парадные комнаты, предназначенные для приема гостей. А самые комнаты эти могли быть далеко не во всяком доме.

Мы говорили уже, что основным типом жилища рядового населения Москвы был однокомнатный дом. Но богатые люди могли пристроить к основному еще несколько срубов, как это и было, например, в доме приказного. Известны и двух- и даже трехэтажные деревянные

³³ В. И. Равдоникас, Указ. соч., стр. 26.

³⁴ См. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», т. I, М., 1950, стр. 80.

³⁵ М. Г. Рабинович, Московская керамика, стр. 97.

³⁶ Там же.

дома, а каменные палаты, конечно, имели ряд комнат. Однако число жилых комнат даже в очень богатых домах вряд ли достигало десяти и более. «Интимная жизнь феодала протекала в покоевых хоромах, состоявших даже у царя из 3-х и 4-х небольших горниц», — читаем мы в одном исследовании, посвященном планировке жилища³⁷. И даже в тех случаях, когда дом имел несколько комнат, зимой жизнь обитателей протекала в одной-двух комнатах, так как отапливать все комнаты дома при тогдашнем несовершенном отоплении было очень трудно.

Вообще проблема теплоизоляции была для Москвы очень острой. Суровый климат заставлял особенно заботиться об утеплении жилищ. Помимо самого типа жилища (избы с завалинкой и дома на подклете), создавшегося в процессе борьбы с холодом, влияние климата сказалось и в конструкции стен, которые тщательно проконопачивались, и в устройстве окон. В избах, топившихся по-черному, естественно не могло быть больших окон. Доступ дневного света зачастую ограничивался волоковым оконцем. Большие оконные проемы были в горницах с печами, снабженными трубами, и в неотапливаемых летних помещениях. Но и в этих комнатах окна не могли быть большими, так как оконное стекло появляется в Москве только в конце XVII в., а слюдяные оконницы, которые применялись даже в царском дворце, позволяли иметь лишь небольшие оконные проемы. Слюдяные окна были распространены широко. На это указывают находки слюды в развалинах дома посадского человека XV—XVI вв. и дома приказного XVII в.

Небольшие оконные проемы, закрытые малопрозрачным материалом, конечно, пропускали очень немного света. Поэтому не только в длинные зимние вечера, но и в короткие зимние дни жилища требовали искусственного освещения. Разнообразные металлические светцы, в которые вставлялись лучины, хорошо известны по археологическим находкам. Но с XVI в. в рядовых домах находятся и подсвечники: металлические, вбивавшиеся в стену, и глиняные — настольные. Однако даже сальные свечи долгое время были роскошью, и найденный в доме приказного подсвечник подтверждает предположение о зажиточности его хозяина.

Об устройстве дверей у нас очень мало сведений. Единственная целая дверь найдена не в жилой, а в хозяйственной постройке. Но можно предположить, что и в жилых помещениях двери были одностворчатые и навешивались на металлические петли. Очевидно, уже с древнейших времен они запирались висячими пружинными замками, столь хорошо известными по находкам в домонгольских слоях древнерусских городов. Замки и ключи от них найдены в Зарядье в большом количестве во всех слоях, с XI по XVII в. Дверь, обрушившаяся в подклет дома посадского человека XV—XVI вв. на устье Яузы, имела уже внутренний замок, к которому должен был быть ключ современного типа.

Пол во всех открытых нами жилищах был досчатый, причем в большинстве случаев доски пола ориентированы в направлении перпендикулярном улице. Впрочем, вряд ли можно говорить о какой-либо закономерности в этой области жилищного строительства в древней Москве. Пол хозяйственных построек, как правило, земляной. Только в мыльне он был устлан жердями, да в богато оборудованном погребе-леднике вымощен «в елочку» кирпичом. Пол из керамических плиток, а позднее из чугунных плит мог быть только в общественных зданиях, тем более что в жилых помещениях он и неудобен во всех отношениях.

О конструкции потолка и крыши раскопки не дают почти никаких сведений, что и понятно, так как эти части зданий ни в одном случае не сохранились даже в виде груды обломков. Восстановить их можно по древним рисункам, указывающим, кстати сказать, на большое разнообразие

³⁷ П. Гольденберг и Б. Гольденберг, Указ. соч., стр. 34.

разные конструкций кровли, но это не является задачей настоящего исследования.

Мы подвели итоги археологическим материалам для истории московских домов и усадеб и, в известной мере, для истории планировки Великого посада Москвы, полученным в основном при археологических раскопках в Зарядье. Материалы эти, несмотря на то, что ни одно здание, и тем более усадебный комплекс, в силу ряда причин не исследованы целиком, все же позволяют нам восстановить основные черты московской застройки в XII—XVII вв. Мы видели, что на протяжении всего этого периода здесь господствовал севернорусский тип построек и что различия в постройке жилища и планировке усадьбы носили не столько хронологический, сколько социальный характер.

Дальнейшие археологические раскопки в Москве позволят продолжить изучение этого вопроса, столь важного для истории нашего города и для истории русской культуры в целом.
